

— Клара Федоровна, была я на последнем концерте вашего коллектива в киевском Дворце культуры «Украина» и вот на что обратила внимание: большинство зрителей — люди среднего и старшего возраста. Как вы считаете, почему мало молодежи? Не проявляется ли в этом ее равнодушие к народному искусству?

— Многие мои коллеги считают, что виной тому рок, брейк и прочие новомодные течения. А я согласна с мнением нашего знаменитого балетмейстера Игоря Моисеева: противником фольклора может быть только псевдофольклор. Берется, скажем, музыка из одной области республики, движения из другой, костюмы из третьей, все это хорошенько сдобривается фантазией постановщиков и в результате объявляется «народным танцем»...

— Неискушенный зритель вряд ли заметит такие ошибки...

— Может быть. Но вот фальшь непременно почувствует. И даже по простоте душевной решит для себя: скучно, устало... Вообще-то, если честно, всегда волнуюсь, когда едем с шефскими концертами к молодым зрителям — они и впрямь часто относятся к фольклору с предубеждением. А потом слышу, как они благодарят артистов и признаются: вот не ожидали, что так понравится!.. Так что я уверена: искусство народа всегда найдет путь к сердцу зрителя, к какому бы поколению он ни принадлежал.

— Значит, чтобы поставить

— А о каких это тетрадках вы говорили?

— Когда занималась в учительской семинарии — было у нас в Ужгороде до воссоединения с Советской Украиной такое учебное заведение — преподаватель фортепиано дал на каникулы задание: записать несколько украинских народных песен. А где песни — там и танцы. Все лето ходила по селам — присматривалась, записывала. Вот уж не думала, что пригодятся мне эти записки...



Встречи и знакомства

Балетмейстер Закарпатского народного хора,
народная артистка УССР Клара БАЛОГ:

ЕСТЬ ЦВЕТЫ РОЗМАРИЯ...

танец, достаточно перенести его с сельской околицы на сцену в первозданном виде?

— Нет, его еще обработать надо. Ведь сельский танец основан обычно на двух—трех движениях, на сцене он смотреться не будет. Но тут важно не сблизиться на демонстрацию профессиональных умений исполнителей и не утратить характер, особенности танца с околицы. В межгорской «Дробойке», например, движения сдержанные, «дробные» — это потому, что на полянке среди горных холмов особенно не разгуляешься. А может, и в другом причина: у нас в Межгорье природа неслаская, а люди испокон веков суровые, сдержанные. Жители Иршавского — равнинного района по характеру совсем другие — веселые, общительные, с юмором. Вот и в «Раковецком крученом» — танце, который я там записала, — движения раскованные, широкие... Я не просто записываю танец — смотрю, как его исполнители работают и отдыхают, подолгу живу рядом с ними.

— Вы говорите — «записываю танец». А как это делается? Есть какие-то специальные значки?

— Да нет, пишу, как удобно: ноты, рисунки, слова — все впрямь. Да записать — не проблема. Сложнее найти тех, кто танец показать может. В селах ведь уже не танцуют, как в былые времена. Я как приеду в село, подхожу к первой же старушке, что у ворот на лавочке сидит, разговариваю с ней, а потом прошу: покажите, как в молодости танцевали. Сперва отмахивается бабушка — думает, что шушу. Потом запоет тихонько, притопнет — и пойдет плясать по двору, да так хорошо, что и мне трудно на месте удержаться.

— Конечно, вы, прежде чем стать балетмейстером, были солисткой танцевальной группы хора...

— И много лет совмещала обе профессии. А началось все с общественного поручения: в одном сельском клубе попросили поставить танец для смотра самодеятельности. Нашла я подходящий ганец в своих тетрадках, что с юности сохранилась, поставила его — коллегам понравилось. Решили даже включить его в репертуар нашего коллектива.

— Но танцевали, наверное, с детства?

— Сколько себя помню! Когда мне было пять лет, любимым моим местом в городе был старый клен на нашей улице. Я забиралась на него и часами смотрела в окно особняка, из которого лилась музыка. Там была танцевальная студия: девочки в нарядных платьях занимались в большом зале с зеркалами до потолка. Потом дома показывала то, что запомнила: и упражнения у станка, и вальс, и польку. Мама сперва ругала меня, а потом плакала — очень хотела, чтоб и я в той студии училась. Но где там! За учебу в те времена платить надо было, а жили мы бедно. В обычную школу и то только троих детей из семьи отдали: меня, сестру и брата, остальных ремеслам учили. Однажды я потихоньку от мамы надела единственное нарядное платье и перед началом занятий, собравшись с духом, вошла в класс вместе с остальными детьми. Преподавательница, увидев, что я уже все умею, разрешила ходить в студию бесплатно. Там, в студии, я получила неплохую подготовку: азы классического, балетного танца. А закарпатским танцам, конечно, не учили: народное искусство было в загоне. Только в 1945 году, уже при Советской власти, впервые в истории края был создан профессиональный художественный коллектив — Закарпатский народный хор. То есть профессионалами, мы, конечно, сначала не были — пришли на сцену, что называется, «с улицы», прочитав объявления, что были расклеены по всему городу. Надо было еще многому учиться. Репетиции начинались рано утром. А днем многие из нас шли на занятия в школы или училища. Я тоже еще была студенткой созданного вместо учительской семинарии музыкально-педагогического училища. Отменена была ежемесячная плата за учебу. Напротив, студентам назначили стипендию. Когда я впервые принесла ее в дом, мама никак не могла взять в толк, как так: меня учат — и мне же за это деньги платят... Снова плакала мама — только теперь от радости. Кроме стипендии, я еще и зарплату в дом приносила —

почти каждый вечер участвовала в концертах. Возвращалась домой — и чуть ли не до утра над книжками сидела. Тяжело, конечно, было. Но не жалко о том — иначе в жизни что успеешь? А успевать мне много приходится. Характер такой. Сколько раз бывало: кажется, все готово, можно показывать танец худсовету, а я снова и снова назначаю прогоны, ругаюсь с оркестром, с костюмерами. Так было и с танцем «Яроцька карічка». Совсем уже был готов, а мне все казалось: чего-то не хватает... И вдруг поняла, чего: розмари! Песня-то, что хор во время танца поет, словами о ней начинается: «На яроцькым мосту розмарія цвіте...». Надо к шляпам приколоть по цветку — и танец заиграет! Но какая она, розмари? Жители села Ярки, о котором говорится в песне, так и не смогли мне ее показать: видать, давно она перелеслась в этих краях. Обратилась за советом к ученым-биологам Ужгородского университета — тоже не знают. Доктор биологических наук Василий Иванович Комендар заинтересовался и так выяснил: розмари — редкое лекарственное растение, по-научному — безвременник осенний. Оказалось, это очень красивый, нежно-фиолетовый цветок, похожий на эдельвейс.

Мы уже исполняли танец во всех концертах, а ученый продолжал искать цветок — теперь уже не в книгах, а в нашей закарпатской природе. Искать помогли песни, в которых упоминается розмари.

Нашли ее на нескольких лесных полянках возле села Забрда Великоберезнянского района. Стали охранять, разводить редкое растение — теперь его можно увидеть в нашем ботаническом саду. Скоро в нескольких лесничествах посадят целые плантации безвременника осеннего. Очень это оказалось ценное растение: в нем содержится вещество колхицин, которым заинтересовались онкологи. Может, из нашей розмари еще удастся создать чудодейственное лекарство?

— А самой-то вам от нее, наверное, ни сна, ни покоя. Знаю, жизнь у вас напряженная: гастроли, фольклорные экспедиции, помощь самодеятельным артистам, семинары для зарубежных танцовщиков... А для себя времени хватает?

— Так ведь все, что делаю, это же и для себя тоже! Мне трудно разделить свою жизнь на работу и увлечения. Конечно, когда приезжаю куда-то, стараюсь все увидеть, везде побывать. Была в Лувре, в Дрезденской галерее, во многих музеях США и Канады. Живой любовью к детству. Отец мой был рабочим в школе, там же мы и жили. А рисование в той школе преподавали Иосиф Бокшай, Адальберт Эрдели, Андрей Коцка, Федор Манайло — замечательные художники, в советское время удостоены звания народных. Мастерских у них не было, писали прямо в классах, и я подолгу наблюдала за их работой. Теперь вот у меня собраны почти все альбомы с репродукциями их картин и книги об их творчестве.

— Говорят, у вас дома богатая библиотека...

— Да, собираю книги на русском, украинском, чешском, словацком, немецком... Жаль только, порой читать некогда. Много сил забирают всякие побочные дела и заботы. Приходится ходить по кабинетам, просить, убеждать. Посудите сами: одиннадцать автобусов стоят около филармонии, а на ходу из них один—два, и те покореженные, почерневшие от времени. А вот футбольная команда ездит в «Икарусе». Это хорошо. Но как же нам быть? Двадцатилетние хлопцы имеют квартиры. И это прекрасно. У наших же молодых артистов даже общежития нет — многие живут в селах, добираются на работу по несколько часов. Из-за этого в прославленном коллективе — постоянная текучка кадров. Уходит от нас талантливая молодежь, а мы и сделать ничего не можем. Без помощи Ужгородского горисполкома проблем этих не решить, а он, похоже, несколько не обеспокоен нашим положением. Но ничего, духом не падаем.

— А ваша заветная мечта?

— Чоб танцы, которые ставлю на сцене, вернулись на сельские околицы...

Беседу вел
З. ТЕРЕШКОВА.